

**ТАК
НАЧИНАЛА РЫТЬСЯ
ЯМА**

**ЕВГЕНИЙ
ГОЛУБЕВ**

16+

Евгений Голубев

Так начинала рыться яма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56272043

SelfPub; 2020

Аннотация

Ваши психические заболевания могут здорово подпортить жизнь людям вокруг вас. Когда этот факт забывается, случаются истории, подобные моей. В одних случаях произошедшее со временем сглаживается, в других – превращается в казнь навсегда. Не будьте эгоистами и дураками.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	5
1	5
2	7
3	10
4	16
5	21
6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Предисловие

Изложенное ниже случилось, когда Ему было десять лет. Многое позабылось, но кое-что свежо в памяти и до сих пор встаёт перед глазами. Об этом и повесть. Автор не преследовал цели кого-то очернить или обелить. Всё описанное является наиболее достоверным пересказом произошедших событий и их личной оценкой с позиции ребёнка. И только последняя глава – примерная картина того, как иначе могла бы сложиться Его жизнь.

Пролог

1

Он забегаёт в светлый подъезд пятиэтажного дома, опирается на старые деревянные перила и запрокидывает голову: фигура мелькает в проёмах, глухие шаги эхом разносятся по лестничной клетке. В солнечных лучах летают частички пыли. Она появится через секунды и, обогнув последний пролёт, пойдёт Ему навстречу. Выходят на улицу. Там Их ждёт мальчишка.

– Можно пойти с вами?

– Знаешь, не стоит. Мы быстро, – тихо отвечает Он. Мальчик пожмёт плечами и быстро скроется во дворе: побежал к другим детям.

Конец августа, но ещё пригревает и тяжело дышится. Изпод ног людей вздымаются облачка песка и быстро оседают.

Она с трудом достаёт пачку сигарет из переднего тугого кармана джинс, спички – с ещё большими усилиями, корча лицо и вытягивая пальцы, – и закуривает наконец.

– Почему ты отказал ему? – вслед за словами изо рта вынырнет струйка дыма и рассеется у Его лица. – Тебе было бы веселее, – не придавая значения взмахам ладони, Она отправляет вслед вторую.

Он неуверенно разводит руками, а про себя задумывается, почему же отказал.

До старого дома десять минут: через дорогу, пройти двором, а потом парк: разбитые бетонные тропинки да неухоженные редкие вязы. Панельная пятиэтажка. Ещё в самом конце весны Они жили здесь. Во дворе за бордюром, возвышающимся ступенькой над асфальтом тротуара: железные детские качели, горка, несколько турников (перекладин для чистки ковров), посреди всего – четыре мусорных бака, отгороженных от площадки бетонными плитами с трёх сторон. Он не помнит, переступал ли когда-то этот бордюр.

Ржаво-оранжевая краска на двери подъезда слойтся и трескается, обнажая потемневшее дерево, и уже усыпала порог острыми уголками. Она оставляет Его ждать, а сама скрывается в темноте. Через секунду скрипнет старая пружина, дверь с грохотом закроется. Остаётся перевезти немного вещей.

Лениво откроет глаза: Она лежит в полуметре, укрытая пледом по шею. Тёмные мальчишеские волосы где-то торчат, а местами вздымаются о кровать. Холодный свет заливает комнату: по-осеннему пасмурно. Он планировал гулять весь день. Ведь суббота, и не хочется сидеть дома. Он переворачивается на спину, аккуратно придерживая плед над собой. Край подоконника нависает над спинкой кровати, двухспальной или больше: Им хватает с излишком. Высокий потолок белеет наскучившим цветочным узором. Он лежит почти бездыханно, обдумывает, сложив руки на груди, когда Она также ложится на спину и недолго косится на Него. Он повернёт к Ней голову в ответ: плед обнажил плечо и ляжку бюстгальтера. Почему-то станет так противно находиться рядом, что Он спешно отводит взгляд. Она довольно кряхтит и потягивается на кровати, закидывая на подоконник сцепленные в замок руки.

– Встаём? – Он снова смотрит в потолок. В ответ – утвердительное сопение. Немедля, Он откинет плед и сразу поёжится. Проползает вдоль кровати и перелезает через заднюю спинку на пол: не хочется переступить через Её ноги. Одевается. Она уже поднялась и сидит на краю кровати сутулясь, уставившись в пол и пожёвывая губы. Наконец вдохнёт и: «С днём рождения».

Он неприязненно оглядит полуголое тело и переведёт взгляд на окно: «Ага». Знал, что так будет. Он не любит праздники, и поздравления, и подарки. Шагнёт к коридору: бабушка. Стареющее тело тонет в светло-бирюзовой футболке почти по колено. На лице ширится улыбка с ямочками на щеках. Обняла.

– С днём рождения, сынок, – и крепче обхватит Его руками. Ему по-своему стыдно, что Она видит это, и Он с силой подался назад, смущаясь: «Ну всё. Не надо».

Она опешила, а потом возмутилась, едва сведя брови: «Ну и не получишь шоколадку».

– Ты что? Она просто поздравляет тебя, – будто нечаянно удивится Она с кровати.

В ответ Он что-то пробубнит, но не будет услышан. Шоколадку Он всё-таки получит: это воздушный белый шоколад, который Он обожает, а Она – нет. Подарком окажется «Книга для мальчиков»: иллюстрированная синяя обложка, крупный шрифт и около сотни страниц.

– Спасибо.

Он не знает, как относиться к бабушке. В своих рассказах Она показывает её плохой, якобы в детстве та била Её и братьев, выбрасывала домашних животных из окон назло Ей, была неряхой, сплетницей и вечно старалась выставить себя в лучшем свете перед другими. Всего этого Он за бабушкой не замечает, хотя живёт с ней уже третьи летние каникулы. Но раньше Он почему-то принимал Её сторону в разговоре о

ней и даже подстёгивал, придумывая разные небылицы. Она вторила каждому слову и, кажется, врал.

Выходят на тёмную лестничную клетку. Она включает экран телефона с монохромным дисплеем и бросает тусклое пятно под ноги. Свет из коридора очерчивает силуэт бабушки, устало облокотившейся в дверном проёме, и продолжается ещё с метр.

– Ну, берегите себя. Возвращайтесь, если что.

Она быстро попрощается и скажет Ему идти, кинув экраном в ноги.

– Давай, пока! – Он надеется увидеть её скорее, пусть и понимает, что встретить новый год вместе Она ни за что не согласится. Но, может быть, хотя бы отпустит на зимние каникулы?

Спустившись со скверным светом к улице, Она остановится под бетонным козырьком у подъезда и снова закурит. Стемнело. Тёплый ветер лениво расталкивает крупные редкие снежинки. Под ногами они останутся мокрым месивом, блестящим в огнях уличных фонарей, или покроют голую землю пухом. Тихо. Докурив, Она поправляет плетёную хозяйственную сумку на плече – полупустую, остатки вещей, – и вот Они уже идут.

Он до сих пор не знает, где Она сняла квартиру.

– Напротив деда, где красные дома.

Это были узкие четырёхэтажные дома из огнеупорного

кирпича. Их совсем немного. Может быть, всего один двор. Он там раньше не бывал.

Но сейчас Они идут прямо в противоположную сторону, на рынок. Уличные фонари желтят дома, дорогу и лица людей. В толстой зимней куртке жарко, пот катится по спине и оставляет зудящий штрих на коже, Он шевелит плечами из стороны в сторону, не в силах преодолеть слабость.

Дошли быстро. Многие ещё на местах. Покупатели толпятся у хозяйственных и продовольственных отделов под высокой крышей. Время, когда рынок находился под открытым небом, прошло. Только несколько торговцев располагаются в широком арочном проходе, соединяющем два крыла здания в цвете песчаника.

Они долго стоят в очереди, чтобы купить небольшой красный таз, мыла, стирального порошка, и ещё чего-то, необходимого Ей в количествах, в котором, как Он уверен, они не нужны больше никому. Она складывает покупки в таз и вручает Ему. С этим отправятся обратно, мимо дома бабушки и дальше, к окончанию жилого массива.

Через дорогу внимание привлекает дом: вместо швов серых панелей здание удивляет треугольными выступами, продолжающими квартиры; декоративными арками над окнами верхних этажей; пилястрами, прочими рёбрами и полостями, чередующимися белый и красный кирпич. Единственный такой в целом городе. Но то описание по памяти: в полутьме Он едва сможет разглядеть всё это сквозь чернеющие дере-

вья перед самым тем домом, образующие с ним тесную бетонированную аллею, смешную в своей бесполезности и беспомощности.

Они подходят к красным домам и поворачивают вглубь их по оледеневшему асфальту. Пройдут прямо, возьмут вправо: предстаёт дворик из трёх домов, плотно стоящих буквой «П». Фонарей нет, и Она достаёт телефон. Скоро упрутся в крайний правый подъезд среднего дома. Дверь – деревянная – привычно скрипнет. Она пропускает Его, придерживая ту костяшкой указательного пальца. Первый этаж встречает тусклой лампочкой, светящей угнетающим почти оранжевым светом. Поднявшись на первый этаж, Она взглянется в номера на дверях и, остановившись перед одной из них, выставит вперёд левую ногу и поставит на неё сумку с плеча. Звук молнии. Нашла. Звук молнии. Наметит замочную скважину, отойдя со света, и будет пытаться открыть дверь, кряхтя и поправляя сумку. Но та не поддаётся.

– Не хватало только домой не попасть!

Он ненавидит Её истеричное поведение и назло отвечает равнодушных причмокиванием. Переминаясь с ноги на ногу, Он не придаст значения тому, как замок грубо щёлкнет. В тамбуре ещё две двери: та, что прямо, залита желтизной из подъезда. Свет доходит до правого угла и прерывается, захватывая только треугольник второй двери – двери Их квартиры. Замок откроется быстро.

Он ждёт, пока Она зажигает свет в коридоре и разувается,

и вот сам оказывается внутри. Освободившись от таза, обуви и верхней одежды, Он деловито пройдётся в уже светлый зал, находящийся налево по коридору.

Она говорит ждать и заходит в спальню, что чуть ближе ко входу. Слышится шелест пакетов, Она изредка выходит. Сначала включает свет в ванной, а потом относит туда что-то. В очередной раз Она выходит, но будучи только в нижнем белье. Он морщится, не понимая, зачем Она разделась, но Она быстро направляется в ванную и начинает мыть руки, скрыв только левую часть тела. Сначала только кисти, на несколько раз, потом поднимется к запястьям и, наконец, дойдёт до локтей. Всё это Он знает отлично и не станет наблюдать. Лучше оглядеть зал. В углу стоит телевизор на белом табурете, ещё два таких же расположились у окна в дальнем конце комнаты, а у стены, смежной спальне, застеленный голубой простынёй диван. Стола нет, вместо него низкая коричневая лакированная тумба у стены против дивана. Закончив с руками, Она включит телевизор и продолжит раскладывать и подготавливать. Он захлёбывается зевотой от скуки и переминается с ноги на ногу. Сидеть в уличной одежде нельзя, как и трогать что-либо, но Он выскивает моменты, когда Она точно не увидит, и присаживается на край дивана, а через пару минут тихо поднимается и разглаживает простыню: нельзя допустить ни единой складки. И даже боится думать, что случится, если Она вдруг внезапно зайдёт в комнату. Будет страшный крик и ещё часы ожидания,

пока Она застелет диван другой простынёй.

Она входит в зал с целлофановыми мешками на руках, всё ещё только в белье.

– Сейчас помоешься и ляжешь, а я продолжу. Я до ночи буду, – и протягивает руку, как бы требуя Его одежду. Как только Он что-то снимает, Она небрежно складывает это и уносит в спальню. Он уже голый, Она чуть задержится, а потом выйдет без мешков.

– Ну, пошли.

Ванная очень простая: только старая ванна, и душ висит на стене над ней. Он залезает внутрь аккуратно, не касаясь ногами боковых стенок. По привычке встал лицом к крану. Другие дети в Его возрасте уже наверняка моются сами. Ему удавалось такое только будучи у бабушки или в гостях у деда и второй бабушки. Моет Она долго, особенно сегодня. Начиная с шеи, спускается вниз, а потом вернётся к голове. Время ополаскивания, а Ему хочется полежать в ванне. Она никогда не закрывала дверь и не давала Ему даже самому коснуться воды из крана. Ванная не прогревалась, и от пригоршней воды, льющихся на тело, становилось холодно до дрожи в зубах. Он жаловался, но Она будто в бессилии тихо отвечала, что нужно немного потерпеть. Только во время ополаскивания Она включит душ, и пытка превратится в удовольствие.

Он выходит в коридор: снова начинает трясти. Кажется, совсем поздно. Прошёл час или больше? Они пройдут в спальню. Обычные полотенца Она не любит из-за необходи-

мости стирать их, и вот Он вытирается бумажными. Ляжет спать. Свет не горит, и Она просто вернётся ко своим делам.

Так начинала рыться яма.

На самом деле, яма роется уже давно. И это будет легко доказать.

Он толкает дверь подъезда костяшкой указательного пальца левой руки и аккуратно выходит, щурясь от солнечного света. Лето. Он отходит ко скамье справа от двери подъезда. В одной вещи Он согласен с Ней: сидеть на такой грязи не стоит. Позади раздался смех. Это двое мальчишек Его возраста издеваются над котом. Хватают и бросают, дёргают за хвост и лапы, а он почему-то не бежит, а лишь орёт и извивается в руках обидчиков.

В горле заиграет. Он хочет возразить и поставить их на место, крикнуть что-нибудь, но стоит и тяжело дышит.

– Хоть бы он снял с вас скальп, – беззвучно процедит Он и отвернётся к скамье, сжавшись телом. Скоро они уйдут: кот всё же бежал. Горечь во рту от обиды. Но что, если кто-то увидит из окна, или выйдет из подъезда?

Когда-то выйдет и Она. Несёт две большие хозяйственные сумки. Ей явно неудобно и даже тяжело, но помочь Ему не даст. Никогда не даёт. И это было бы всего лишь странной загадкой, если бы не осуждающие взгляды прохожих в Его сторону. Он не мог поднять глаз, чтоб не столкнуться с ними. И сейчас Он лишь идёт рядом с Ней, направляющейся в соседний двор, отделённый узкой автомобильной дорогой.

Подойдя к одному из подъездов одного из домов – здесь они расположены в виде буквы «Г», – Она закидывает сумку с левой руки через плечо, а сумку с правой вешает на запястье левой и оттягивает одну ручку к локтю. Достанет нетолстую стопку газет и, отделив от неё два листа, расстелет их на скамье рядом. На самом деле, Она и сейчас мучается, но до последнего не даёт Ему помочь. Ветер будто нарочно пытается сорвать газеты и прокатить по асфальту, а Она, нервничая, хватается то за них, то за сумку, сползающую с плеча, и всё же скажет Ему подержать газеты, пока сама поставит сумки сверху. А потом Он остаётся один.

Снова переезжают. На этот раз – в другой город. Вся идея с продажей квартиры заключалась в смене обстановки, но лучше не становится. Теперь Она бежит от родственников, что тоже «грязные» по Её мнению. Прежде Она хотела лечь в диспансер на месяц, ещё год назад, но бабушка предостерегала о том, что там Её будут намеренно колоть, чтобы по итогу закрыть надолго. Он тоже был против.

Вдоль улицы идёт старик в белой кепке. Его сигарета на исходе. Остановится возле Него и откинёт пепел мизинцем.

– Переезжаете?

Он кивает. Затянувшись, старик добавит со смехом, чуть приглушив голос: «А может, продадим одну?» – и кивнёт на сумки.

– Нет, не стоит, – Он напряжённо улыбается. Старик продолжает курить и немного отходит.

Она появляется из-за угла дома с последней сумкой и спешно направляется к ним. Оставив ту сверху остальных, достаёт из неё влажные салфетки и принимается по обыкновению тщательно вытирать руки, на несколько раз, выкидывая один белый комочек за другим в урну рядом. А когда закончит – закурит. У них со стариком завяжется та беседа, где спрашивают, куда и почему. Слушать Он не хочет, и оглядывается по сторонам. Они уже вдвоём, и вот подъезжает грузовая машина с зелёным кузовом. Вышедшие мужчины поздороваются с Ней, откроют заднюю дверь и примутся работать. Она заплатит им, и двое уедут на склад. Вещи можно будет забрать позже.

С момента последнего переезда Болезнь лишь прогрессирует. Теперь Она использует целлофановые мешки. Всегда и везде (кроме улицы). Она одевает их на руки, предварительно завязав края в узел, чтобы не спадали, и вдув немного воздуха, чтобы легче одевались. Ни одна стирка или готовка не обходится без этого. Её руки выглядят ужасно: бесконечное мытьё. Так было и раньше. Но мешки не отменяют мытьё рук, нет.

Он стоит в сотне метров напротив подъезда, из которого ещё недавно выходил в школу. Начинает вечереть, солнце рыжим карликом опускается, зажигая о себя небо.

Она бегом направляется к Нему с ещё одной сумкой – совсем маленькой и полупустой.

– Сдала! Быстрее, пока хозяин ничего не увидел! – и под-

зовёт Его за собой, переходя на быстрый шаг. Что он должен увидеть? Идеальную чистоту? Или Его плюшевого медведя, которого Она оставила из-за того, что это «всего лишь сборщик пыли»? Медведь был голубой шерсти полметра в высоту. Это награда за первое место в городском олимпиаде по математике, а Она его не взяла.

Мимо мелькают знакомые улицы и места, и о каждом у Него есть своя история. Вот мощёная плиткой площадь, а за ней Дом Молодёжи, в котором Он три месяца занимался дзюдо, и никаких успехов. Это была бесплатная секция, но Он ушёл, как только Они переехали от бабушки. А дальше идёт рынок, где Он бывал и с Ней, и с дедом, и с бабушкой. Прямо, через дорогу налево и немного вперёд – автовокзал: маленькое зданье и большой навес у места, куда подъезжают автобусы.

Уже в послеполуденный час Он смотрит сквозь мутноватое окно микроавтобуса и пытается подчеркнуть значимость момента, а получаются глупости: «Да... Уезжаем из обычного провинциального городка в большой!». Приехав, сядут на трамвай, и доберутся до места. Он поймёт это, когда Она остановится на тротуаре против торца пятиэтажного дома, достанет телефон и примется звонить. Хозяину? Ах, нет, хозяйке. Та обещает скоро подойти. Почти стемнело, давно зажглись фонари. Он с интересом рассматривает домофон: до этого видел такой только в доме своего деда. Двор тоже удивляет: посреди него стоит детский сад. Через время и хо-

зьяйка подойдёт. С ней, кажется, была нотариус, а может та подойдёт позже, если вообще подойдёт. Поднимутся на пятый этаж, провернут ключ дважды. Две комнаты, кухня, новый балкон в пластике, ванная; и всё меблировано под завязку! Один телевизор висит над входом в кухню, второй стоит на тумбе в зале. Вдоль зала располагаются угловой диван, а напротив – мягкое кресло, справа от которого стол. Это то, что сразу бросается в глаза. Она с хозяйкой заключат договор аренды на кухне, нотариус заберёт бумаги. Он так и не увидит её отчётливо. Оставшись вдвоём, Она повторит всё в точности: разделенется до белья, долго будет мыть руки (уже больше часа), пока Он осторожно присаживается на подлокотник кресла и расслабленно выдыхает. Закончив, Она включит телевизор и пойдёт застилать кровать в спальне. Этот час Он вынужден стоять и, засыпая, не может не ныть о том, как Ему надоело. Она психует и велит молча ждать.

Она всё же закончила, и Он начинает раздеваться. В ванной увидит туалет, раковину, стиральную машину, водонагреватель и ванну. Ещё полтора часа. Упадёт на двуспальную кровать. Широкое окно в ногах одарит видом ночного города, а шкаф у стены будет привлекать внимание зияющей чёрной щелью неплотно закрытой дверцы.

На завтрак – лапша быстрого приготовления, на обед и ужин – тоже. По переезду Она перестанет готовить. То ли будет лень помыть кухню для себя, то ли просто не захочет, то ли становится хуже. Он уже скучает по еде, которую Они ели, проживая в своей квартире. Это были каши, сколько Он себя помнит. Гречка, рис, гречка с рисом и ничего больше. Перловую не любит Она из-за её слизистости, пшённую – Он. Мясо было не по карману, кажется, а на супы не хватало времени. Гораздо важнее казалось вести непрекращающуюся стирку и мытьё всего на свете. Она не работала. Ни дня при Нём. Жили на пособие по утере кормильца и помощь деда. Отец уехал на заработки, но запил, промотался и покончил с собой. Так Она рассказывала, но Он не верит. Она никогда не любила отца. И Он тоже, но только потому, что будто и не видел его ни разу. Когда тот умер, Ему шёл четвёртый год.

– Выйдем на секунду, – классная руководительница позвёт Его из двери. Он испугается. Закрыв за собой и двинувши за ней, осторожно спросит: «Что-то случилось?»

– Твой дедушка приехал, – отвечает спина.

Перехватило дыхание. Он шокирован. Боясь последствий, Он пробормотал с надеждой, запинаясь: «Но у меня нет дедушки». Она слегка повернёт голову и недоумённо улыбнётся.

ся: «Как же это нет?». Ещё секунда, и покажется он: приземистый плотный мужчина с залысиной на макушке и седой в висках и по бокам. Выхода нет: они здороваются и обнимаются, но всё это для Него как в тумане. Дед спрашивает о мелочах, но не задержит и останется ждать окончания уроков. В ступоре и глубоких страшных размышлениях Он возвращается в класс. Остаток времени растечётся по непониманию, что же делать. Он не может рассказать Ей, но ведь рано или поздно Она всё равно узнает. На очередном ли родительском собрании классная руководительница упомянет, какой чудесный у Неё свёкор, или как-то иначе. Никогда не боялся Её так: теперь можно ожидать всякого. Он ведь обнимал его, а значит, вся школьная одежда теперь «грязная», и ручки дверей на входе, и что угодно! По пути в гардероб Он твёрдо решает, что ничего не скажет.

Они вышли на улицу, Он снова в полусознании отвечает на вопросы, не понимая, что говорить можно, а что – нет. Дед спрашивает, тепла ли куртка, нормально ли Он питается. Проходя по зимней оледенелой дороге, он предложит зайти в кафе: знает, что Она готовит одни каши, и не считает их достаточной пищей. Нет резона отказываться. Заведение находится через дорогу от дома, Он беспокоится, как бы Она не увидела их. Попытавшись вспомнить, как часто Она часто смотрит в окно, немного успокоился – никогда. Только иногда курит на балконе. Они сели за столик у входа и продолжают разговор. Подойдёт официантка с толстым меню в

руках и положит его на стол, поприветствовав с улыбкой. Он не знает, что выбрать, и даёт деду сделать заказ: домашний суп с лапшой и запечённый с мясом картофель. Официантка примет меню, и обратно. Они обменяются телефонами.

– Что это Ей в голову стукнуло? Не понимаю. Жила в своей квартире, ты в школу ходил. Нет же, нужно было рвануть, – он неодобрительно покачает головой и, замерев резко и чуть задрвав указательный палец, вытащит голубой свёрток и протянет Ему.

– Отдашь Ей, хорошо?

Это деньги. Он не станет считать, ведь это, стало быть, некультурно, и с трудом засунет их в неподдающийся внешний карман куртки.

Закончив с едой, Он начнёт всем своим видом показывать, что должен скорее уходить. Один, уже подходит к подъезду, замедляя шаг и еле дыша. Снова обдумывает. Нет, решение принято. И теперь не только из-за страха. Оглянувшись по сторонам, стоя уже у самого подъезда под козырьком, Он аккуратно достанет купюры и насчитает четыре крупных: это хорошие деньги.

Однажды Он поехал на соревнования по дзюдо с полудюжиной ребят, почти ничего не зная и не умея. Так просто было нужно, как сказал тогда тренер. Конечно, Он проиграл первый же бой. За считанные секунды. Сам не понял, как оказался на мате, перекинутый через себя соперником. Тогда их долго везли на место проведения мероприятия, –

в незнакомую Ему деревню, – и по пути они остановились в чьём-то доме на пару часов. Там всех напоили чаем и даже усадили за компьютер. Играли только старшие, а Он с остальными наблюдали позади. Узнав обо всём, Она захотела отблагодарить тренера за приём и вручила Ему немного денег, чтобы Он передал. А Он оставил всё себе, купил сладкого и даже сумел пронести мимо Неё, сложив купленное в свой стол. Это был последний звонок в школе. Хорошо, что Она не пошла: дети пели прощальные песни первым учителям, и Он не хотел, чтобы Она это видела. В раннем детстве Он мечтал пойти на уроки пения и, когда однажды высказал своё желание, Она отвратительно так усмехнулась: «Да ведь у тебя слуха нет! Ну, спой мне...», и название какой-то детской песни. Он не стал.

Что будет, в конце концов, если всё рассказать? Она может выкинуть их, или оставит под крик, что Он здоровался с дедом. Будто Он в чём-то виноват! А потом Она и вовсе решит снова уехать, посреди учебного года. Опасаясь всего этого, Он вернёт деньги в карман и потянется к домофону: три коротких нажатия, гудки, наконец: «Кто?».

– Я.

Дверь приоткрылась. Поднимаясь всё выше и выше, Он думает: увидела ли Она их вместе? Вероятно, так было бы лучше. Последний пролёт, Её лицо в дверях. Непонятно. Встречает как обычно, Он разувается, проходит в зал и кидает рюкзак к своему столу. Начинает раздеваться. Вдруг – во-

прос, почему так долго. Он со скукой рассказывает о непредвиденном классном часе. Помыв руки, поест через силу. Всё как обычно: лапша в большом пластиковом стакане. Она говорит, что они удобнее тарелок.

Попрощавшись, Он побрёл домой. Настроение подпорчено. Не по себе входить внутрь подъезда. Он отчётливо понимает, что это в последний раз. Она потратила много на риэлторов, но те так и не нашли квартиры дешевле. Всего страшнее Она была в последние месяцы; постоянно говорила, что Им придётся покончить с собой, когда денег не останется. На все намеренно начинаемые Им диалоги о новых школьных предметах в следующем учебном году Она отмахивалась: «Всё равно ты не доживёшь». И хуже всего был смешок в такие моменты. Неужели это серьёзно? И для чего тогда Он до сих пор жив? Чем ближе конец учебного года, тем чаще Он плакал наедине с собой и молился, хотя никогда ни в кого не верил. По ночам бессилие захлёстывало, и Он, один в кровати и комнате, сквозь слёзы шёпотом лихорадочно повторял, что не хочет умирать. Он не знал, плачет ли Она, пока Он в школе, но очень надеялся на это.

Легче становится после школы, когда Он с другими идёт в маленький магазин, стоящий с торца многоквартирного дома, недалеко от школы. Дед посещает Его по пятницам раз в пару недель, и деньги всегда при Нём. Даже слишком много для одного. Потому Он всегда готов угостить и других чем-нибудь. Спросу на себя не удивляется и знает, кажется, почему рядом те или иные люди. И с удивленьем из раза в раз

приходит к выводу, что только один сосёт из Него деньги. Для остальных Он просто часть хорошей компании, гуляющей во дворах и пинающей пустые бутылки в футбольные ворота – широкую перекладину. Но как удивляются продавщицы Его крупных купюрам!

В последний раз они гуляли вдвоём: брели изо двора во двор, дурачились и обсуждали рок-музыку, и тут он сказал, что голоден и пойдёт домой. Но оставаться одному не хотелось, и Он вытащил некрупную купюру из кармана пиджака. Ушла ровно половина. Жар спадал, они сидели в беседке и разговаривали, и в итоге разошлись. Он решил идти тенями двором, и в пути стал шарить карманы: только одна мелкая купюра, которую Он получил на сдачу в магазине. Остановился, скинул с себя сумку, убедился, что больше – ничего, и озадаченно задумался: когда же Он умудрился всё потратить? Но возобновил шаг, и тот быстро расстроил Его грусть, ведь теперь можно не бояться, что Она что-то найдёт. Арки и тротуары вывели к дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.